

STUDIA PHILOLOGICA

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЕСИПОВ

ПУШКИН В ЗЕРКАЛЕ МИФОВ

«ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ» МОСКВА 2006 ГОД

Есипов В. М.

Е 81 Пушкин в зеркале мифов. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 560 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0125-X

Автор этой книги испытал на собственном опыте, как соблюдались советские идеологические установки в пушкиноведении: в апреле 1984 года из готового номера журнала «Вопросы литературы» была снята по требованию цензуры его первая пушкиноведческая статья «Исторический подтекст в повести Пушкина “Тиковая дама”». Она была опубликована лишь через пять лет, во время перестройки. Запрет советской цензуры был вызван критической оценкой декабристских идей и объективным рассмотрением истинного отношения к ним Пушкина.

Сегодня же утверждение об идеологизированности советского пушкиноведения постепенно сделалось расхожим тезисом, общим местом большинства работ и книг, посвященных творчеству Пушкина. Вместе с тем критика того, что сделано в прошедшие десятилетия, очень часто носит слишком общий характер и не затрагивает существа многих фундаментальных решений, принятых ведущими пушкинистами советского времени.

Настоящая книга является попыткой объективного рассмотрения некоторых из этих решений.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 5-9551-0125-X

© Есипов В. М., 2006
© Языки славянской культуры, 2006

*Памяти моей жены
Ирины Радченко*

СОДЕРЖАНИЕ

О МИФАХ СОВЕТСКОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Предисловие	11
Первые публикации	17

Миф об «утаенной любви»

«Скажите мне, чей образ нежный...»	21
«Печаль моя полна тобою...»	60
«В последний раз твой образ милый...»	85
Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...»	108

Пушкин и декабристы

«К убийце гнусному явись...»	127
Вокруг «Пророка»	153
«Зачем ты, грозный аквилон...»	173
Почему Италия?	195
Исторический подтекст «Пиковой дамы»	206
Германн, Нарумов и любовная интрига повести	224
«Милость к ладшим...»	235

Автограф неизвестен

«Автограф не сохранился...»	245
К истории создания шестой главы «Евгения Онегина»	268

«С Гомером долго ты беседовал один...»	282
«Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму...» (Размышления по поводу анонимной баллады «Тень Баркова»)	300

Белкинский миф

Что мы знаем об Иване Петровиче Белкине?	363
Странная фраза в «Гробовщике»	376
Необычные ситуации в «Повестях Белкина»	389

Исторические параллели

Семейные истории Гриневых и Уартонов	403
О замысле «Графа Нулина»	416
Поэт, Чернь и автор (О стихотворении «Поэт и толпа»)	443
«И вот как пишут историю!..» (Легенда о генерале Н. Н. Раевском)	461

Мифы XX века

«Как времена Веспасиана...» (К проблеме героя в творчестве Анны Ахматовой 1940–1960-х годов)	483
«Не страшай меня грозной судьбой...»	520
Об одном трагическом заблуждении Александра Блока	531
«И только высоко, у Царских Врат...» (Об одном стихотворении Блока)	542
Указатель имен	551

О МИФАХ СОВЕТСКОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вступив в новый период истории России, мы еще не уяснили для себя в полной мере характера и масштабов той деформации образа Пушкина, которой он подвергся в советское время.

На столь актуальных вопросах пушкиноведения остановился недавно Валентин Непомнящий в предисловии к двум статьям автора настоящей книги, опубликованным в последнем выпуске «Московского пушкиниста»:

Как известно, Пушкин окружен мифами, от прижизненных до складывавшихся и продолжающих складываться на протяжении более чем полутора столетий, в том числе и идеологическими: «светскими» и «демократическими», «либеральными» и «православными», социально-политическими и эстетскими, декадентскими, диссидентскими, «плюралистическими» и постмодернистскими.

Строго говоря, без противостояния, борьбы, диалога разных мифов гуманитарная наука, в силу своей специфики, трудно представима (историю Пушкина, к примеру, не мыслил без слухов и преданий). Самой науке миф мешает и угрожает тогда, когда на основании соответствия определенной идеологической цели, традиции или заданной концепции возводится в ранг научной истины, претендует на «академическую» авторитетность и идеологическое главенство.

Именно это произошло в пушкиноведении в советскую эпоху: полновластным хозяином стал радикально позитивистский политико-социологический («классовый») подход к явлению Пушкина, утвердивший целый ряд мифов, призванных вместить это явление в контекст «единственно научного» мировоззрения, коммунистической идеологии и практики.

Среди этих мифов — и крупномасштабные, исполнявшие роль идеолого-методологического руководства на все случаи: Пушкин — «друг декабристов», враг «царизма», отчаянный либерал, язычник, закоренелый атеист, стойкий вольтерьянец и поклонник Пугачева и т. д.; и пристрастные толкования произведений и биографических фактов, и тенденциозные интерпретации отдельных высказываний — вырывааемых из контекста, произвольно толкуемых в нужном духе, с опорой то на отвергнутые черновые варианты, то, скажем, на неточные или неверные переводы с французского, а то и просто на «крайнее разумение» пишущих.

Все это происходило тогда, когда пушкиноведение выросло в мощную дисциплину, обосновавшуюся на обширном фактологическом фундаменте, и заслуженно стало лидером отечественной филологии. Такие его представители, как П. Е. Щеголев, М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Т. Г. Цявловская и др., были выдающимися специалистами, крупнейшими учеными. Они внесли в науку о Пушкине вклад поистине фундаментальный, трудились самоотверженно и вдохновенно — оставаясь при этом интеллигентами большевистской эпохи и (при всех возможных личных «отклонениях») проводниками соответствующей идеологии, причем часто не за страх, а за совесть. Приходилось порой и подлаживаться к духу времени, уступать требованиям режима, но коренных противоречий с марксистским позитивизмом в работах ученых практически не было. Ведь сама эта идеология возникла не на пустом месте, она была подготовлена историей европейского материализма, скептицизма, рационализма, десятилетиями отечественной революционно-демократической и просто либеральной интеллигентской мысли, приведшими к событиям 1917 года; наследниками и преемниками этих традиций и были многие корифеи советского пушкиноведения и причастные к нему писатели. На такой почве и оформился миф «советского Пушкина»¹.

¹ В. Непомнящий. К теме идеологических мифов в пушкиноведении: От редакции // Моск. пушкинист. 2005. Вып. 11. С. 3–4.

Пространное цитирование Непомнящего оправдано в данном случае тем, что настоящая книга и посвящена ниспровержению ряда биографических и литературоведческих мифов, утвердившихся в советском пушкиноведении в качестве непоколебимых догматов.

Неукоснительность соблюдения советских идеологических установок в пушкиноведении автор испытал на собственном опыте, когда в апреле 1984 года из готового номера журнала «Вопросы литературы» была снята по требованию цензуры его первая пушкиноведческая работа об историческом подтексте в «Пиковой даме» (см. раздел «Пушкин и декабристы», с. 206–223). Цензурный запрет был связан с тем, что в статье содержались критические оценки декабристских идей и объективно рассматривалось истинное отношение к ним Пушкина!

Сегодня же утверждение об идеологизированности советского пушкиноведения постепенно сделалось расхожим тезисом, общим местом большинства работ и книг, посвященных творчеству Пушкина. Вместе с тем критика того, что сделано в прошедшие десятилетия, очень часто носит слишком общий характер и не затрагивает существа многих фундаментальных решений, принятых ведущими пушкинистами того времени.

Настоящая книга является попыткой объективного рассмотрения некоторых из этих решений. Так, первый ее раздел посвящен мифу об «утаенной любви» поэта, предметом которой провозглашалась в советское время М. Н. Волконская, жена известного декабриста, добровольно разделившая с мужем тяготы сибирской ссылки. Миф этот, основой которого явилась известная работа П. Е. Щеголева, стал важной составляющей в создании образа «советского Пушкина» и неразрывно связан с главным советским мифом о Пушкине как идейном единомышленнике декабристов, то есть о Пушкине — противнике монархии и религии, революционере и убежденном атеисте. Рассмотрению этого мифа посвящен второй раздел книги. В нем, в частности, подвергнут критике весь комплекс решений,

принятых в свое время М. А. Цявловским в связи с «Пророком» в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» и в Большом академическом собрании сочинений поэта, для чего заново рассмотрена творческая история создания «Пророка» и проанализированы частные легенды и мифы, сопровождающие этот шедевр пушкинской лирики (главы «К убийце гнусному явись...» и «Вокруг "Пророка"»). В этом же разделе предложены новые, исключаящие прямолинейную связь с декабристской темой, трактовки стихотворений «Аквилон», «Арион» и «Туча», а также неоконченного стихотворения «Когда порой вспоминаешь...». Здесь же в связи с обозначенной в заглавии раздела темой обращается внимание на существование определенных антидекабристских интенций в «Пиковой даме». В главе, завершающей раздел, критически рассматривается известная трактовка стиха из «Памятника» («И милость к падшим призывал»), принадлежащая С. М. Бонди, который отказался видеть в нем призыв к милосердию как таковому.

В третьем разделе рассматриваются базировавшиеся на этих главных мифах тенденциозные решения советских пушкиноведов по проблемам, связанным с отсутствием пушкинских автографов. В частности, высказывается сомнение в правомерности включения некоторых текстов в состав Большого академического собрания сочинений поэта, так как его авторство не аргументировано достаточным образом (глава первая «Автограф не сохранился...»). При этом даются сводные перечни произведений, не имеющих автографов, и предпринимается попытка их систематизации в зависимости от времени публикации (при жизни автора или после его смерти) и от наличия прижизненных копий, выполненных современниками. Далее рассматриваются произведения, непосредственно связанные с проблемой отсутствия автографов (главы «К истории создания шестой главы "Евгения Онегина"» и «С Гомером долго ты беседовал один...»). Сюда же входит работа о приписываемой Пушкину анонимной порнографической балладе «Тень Баркова», полемизирующая с опубликованными лишь

в 1996 году «Комментариями» Цявловского, в которых он пытался обосновать пушкинское авторство.

В четвертом разделе заново рассматривается роль подставного автора Ивана Петровича Белкина, до сих пор (начиная с досоветского времени) вызывающая оживленную полемику между пушкинистами, а также даются новые трактовки повестей «Гробовщик», «Выстрел» и «Барышня-крестьянка».

Пятый раздел посвящен выявлению литературных и исторических параллелей в ряде произведений Пушкина с произведениями зарубежных классиков и реальными историческими событиями разных стран и эпох, в частности, связям «Капитанской дочки» с романом Ф. Купера «Шпион» и войной за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов (глава «Семейные истории Гриневых и Уартонов»); а также «Графа Нулина», пародирующего поэму Шекспира, — с известными событиями Древнего Рима и повестью русской истории (глава «О замысле “Графа Нулина”»). В этом же разделе рассматривается актуальность проблемы взаимоотношений автора и читающей публики в стихотворении «Поэт и толпа» не только для пушкинского времени и послепушкинского периода развития русской литературы, но и для наших дней (глава «Поэт, Чернь и автор»). Завершается раздел анализом легенды о герое Отечественной войны 1812 года генерале Н. Н. Раевском, известной Пушкину и вызвавшей его отклик (глава «И вот как пишут историю!..»).

В шестом разделе подвергнуты критике некоторые литературоведческие мифы XX века, в частности, в главе первой («Как времена Веспасиана...») — известный биографический миф об Ахматовой, пушкиноведческие работы которой неоднократно упоминаются в книге. В этой главе рассматривается проблема героя в ее лирике 1940–1960 годов и утверждается мысль о недопустимости узкобиографического подхода к ее творчеству. Далее, в связи с одним высказыванием Александра Блока в его известной речи «О назначении поэта», затрагивается непростая тема отношения русской интеллигенции к народу

(глава «Об одном трагическом заблуждении Александра Блока»). Обе главы имеют общий контекст с пушкиноведческими проблемами, рассмотренными в предыдущих разделах. В этом разделе дается, кроме того, новая трактовка одного из шедевров поздней ахматовской лирики — стихотворения «Не страшай меня грозной судьбой...» — и впервые устанавливается его несомненная связь с Н. В. Недоброво (глава «Не страшай меня грозной судьбой...»); а также новая интерпретация стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре...» (глава «И только высоко у Царских Врат...»), которое в недавние годы неожиданно стало объектом критики в связи с якобы содержащимся в нем вызовом некоторым установлениям православной церкви.

Статьи, составившие настоящую книгу, написаны в разное время, но, собранные вместе, они почти без усилий со стороны автора образовали единое целое, призванное подтвердить, что пушкиноведение — это отрасль знания, базирующаяся все-таки на реальных фактах, текстах и событиях, а не на литературоведческих мифах и легендах, сколь бы целесообразными они ни представлялись в тот или иной момент истории.

Курсив в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, всюду наш.